

АННА ЗЕЛЕНКОВА

НАУЧНАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ В ИСТОРИИ ЧЕШСКОЙ СЛАВИСТИКИ КАК ЭВРИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА (И. Поливка и Ф. Вольман в диалоге учителя и ученика о методологии специализации)

Abstract

*Scholarly correspondence in the history of Czech Slavonic studies as a heuristic problem
(J. Polívka and F. Wollman in mentor-disciple dialogue on research methodology)*

In the well-established tradition of the critical editing of correspondence between distinguished Slavonic scholars, their letters are not regarded as mere documents but interpreted as literary texts with potential stylistic qualities. Both the aspects - documentary and literary values - thus combine in the correspondence of Frank Wollman (1888–1969) and Jiří Polívka (1858–1933), evidencing the genesis and gradual formation of Czech-Slovak, or Central European, comparative literature and Slavonic philology, as well as their intergenerational rapport which gave rise to the phenomenon in literary historiography labelled „Czech school of comparative literature“. Altogether there are 41 correspondence units (34 letters; 6 postcards; and 1 visiting card) written by F. Wollman to J. Polívka between 1912 and 1932.

Key words

Czech Slavonic studies ■ J. Polívka ■ F. Wollman ■ comparative studies ■ folklore ■ Philosophical Faculty ■ Comenius University in Bratislava ■ scholarly correspondence

Абстракт

Издание корреспонденции значительных представителей славянской филологии в критическом плане имеет уже многолетнюю традицию. Корреспонденция научных работников не только воспринимается как документ, но и интерпретируется как литературный текст с потенциальными стилистическими качествами. Оба эти аспекта – документальный и литературно-словесный – взаимосвязаны в славистической корреспонденции Франка Вольмана (1888–1969) и Иржи Поливки (1858–1933), которая документирует возникновение и постепенное формирование чешско-словацкой (или центральноевропейской) литературоведческой компаративистики и славянской филологии, а также их межпоколенческое взаимодействие, которое стояло у истоков феномена, обобщённо называемого в литературной историографии «чешской школой литературной компаративистики». Всего сохранилась 41 единица корреспонденции (из них 34 письма, 6 открыток и 1 визитная карточка) Ф. Вольмана, адресованной им И. Поливке в 1912–1932 гг.

Ключевые слова

чешская славистика ■ И. Поливка ■ Ф. Вольман ■ литературная компаративистика ■ фольклор ■ Философский факультет Университета им. Я.-А. Коменского ■ научная корреспонденция

Издание корреспонденции значительных представителей славянской филологии в критическом плане имеет уже многолетнюю традицию.¹ Она отражается в большом количестве изданных серий работ и монографий, которые одновременно представляют и институциональную историю лингвистической и литературоведческой славистики. Вполне естественно, что на протяжении последних ста лет изменились взгляды не только на ценность и значение издания литературной корреспонденции, но и на форму, способ и характер осмысления данной издательской деятельности. Корреспонденция, причём не только писателей, но и научных работников, воспринимается не только как документ, который обладает познавательной функцией, но и интерпретируется как литературный текст с потенциальными стилистическими качествами, которые на рубеже XIX–XX вв. остаются важным средством коммуникации и выражения новой информации, а кроме того являются и нетрадиционной формой креативной самореализации, которая представляет личность автора.² Предоставление доступа к литературным источникам сегодня уже рассматривается как вполне естественная, интегральная составляющая культурного наследия и так наз. памяти народа. Корреспонденция отдельных филологов традиционно помещается в заключении изданий их книг и статей, поскольку именно из писем исследователи литературы и читатели могут получить релевантные данные о личной, профессиональной и интеллектуальной жизни отдельных личностей. Письма, которые являются подлинным, непосредственным и достоверным документом эпохи и атмосферы в обществе – в отличие, к примеру, от стилизованных мемуаров или же воспоминаний, написанных по прошествии определённого времени, – раскрывают источники вдохновения, представляют более глубокое видение взаимовлияний и уточняют генезис отдельных произведений. В них часто можно найти реальные взгляды автора, которые при общественной коммуникации подверглись бы сильнейшей цензуре. Таким образом, корреспонденция неизбежно дополняет образ биографии и творчества отдельных личностей, становится заслуживающим доверия аутентичным источником для более близкого ознакомления с ними. Парадоксально, но данное утверждение имеет большее лите-

¹ Сравни. Šimkovič, Alexander: *Poznámky k problematike vydávania literárnej korešpondencie*. Text a textológia. Litteraria. Zost. Ivan Kusý. Bratislava, Veda 1989, стр. 115–129.

² Сравни. Ambruš, Jozef: *K problematike vydávania súborných slovenských korešpondencií*. Slovenská literatúra 18, 1971, ном. 6, стр. 605–609.

ратурно-историческое значение, прежде всего, при публикации корреспонденции ряда учёных, а не писателей, для которых написание писем представляет собой определённую возможность самовыражения, тогда как у филолога, ориентированного на научную сферу, это альтернативная форма, не рассчитанная на дальнейшую общественную публикацию.

Оба эти аспекта – документальный и литературно-словесный – взаимосвязаны в славистической корреспонденции Франка Вольмана (1888–1969) и Иржи Поливки (1858–1933), которая по содержанию и психологии отражает и прямо документирует возникновение и постепенное формирование чешско-словацкой (или центрально-европейской) литературоведческой компаративистики и славянской филологии, а также их межпоколенческое взаимодействие, которое стояло у истоков феномена, обобщённо называемого в литературной историографии «чешской школой литературной компаративистики»³ или «пражской школой компаративистики»⁴. В первом поколении этой группы И. Поливка⁵ развил в фольклорной тематологии сравнительное понимание славянских литератур как неотъемлемой части мировой литературы, а именно на основании международной систематизации и комментариев, которые объясняли словесную циркуляцию сказочных мотивов и сюжетов. Его ученик Ф. Вольман⁶ во втором поколении синтезировал знания этой более старой культурно-исторической школы со структурно-функциональной точкой зрения Пражского лингвистического кружка, положив тем самым начало современной компаративистике.⁷ Их взаимная корреспонденция биографически, а также психологически дополняет общую картину

³ Сравни. Wollman, Slavomír: *Česká škola literární komparatistiky*. Praha, Univerzita Karlova 1989.

⁴ Сравни. Wollman, Frank: *Naše pojetí slovanské filologie a její dnešní úkoly*. Slavia 18, 1947–1948, ном. 3, стр. 249–264.

⁵ Сравни. *Slavista Jiří Polívka v kontexte literatury a folklóru I–II*. Eds. Hana Hlôšková – Anna Zelenková. Bratislava – Brno, Katedra etnológie a kultúrnej antropológie FF UK, Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, Česká asociace slavistů 2008.

⁶ Сравни. *Slavista Frank Wollman v kontexte literatury a folklóru I–II*. Eds. Hana Hlôšková – Anna Zelenková. Bratislava – Brno, Ústav etnológie SAV, Slavistická spoločnosť Franka Wollmana v Brně, Česká asociace slavistů, Slavistický ústav Jána Stanislava SAV 2006.

⁷ Zelenka, Miloš: *Literární věda ve Slovanském ústavu – sedmdesát let činnosti (1928–1998)*. In: *Slovanský ústav v Praze. 70 let činnosti*. Praha, Euroslavica 2000, стр. 70–80.

жизни и творчества этих двух крупных чешских славистов, которые добились европейской известности и признания, а также внесли выразительный вклад в то, что Центральная Европа в межвоенный период стала методологическим перекрёстком разнообразных течений и культурных *-измов*.

Всего сохранилась 41 единица корреспонденции (из них 34 письма, 6 открыток и 1 визитная карточка)⁸ Ф. Волльмана, адресованной им И. Поливке в 1912–1932 гг. (писем И. Поливки Ф. Волльману в распоряжении нет). Это относительно большое количество (включающее в себя двадцатилетний период) представляет собой достаточно репрезентативный набор писем, в котором проявились очень уважительные, а позднее и дружеские отношения между учителем и учеником, профессионально связанных глубоким интересом к фольклору и славистике⁹. Первый контакт между этими личностями произошёл во время учёбы Волльмана на Философском факультете Карлова университета в Праге в 1907–1911 гг. После этого в 1912 г. он провёл один семестр у берлинского историка литературы А. Брюкнера (A. Brückner), у которого он должен был собирать материал для своей диссертации «*Легенда о белой даме в литературе и традициях чешского народа*»¹⁰. В первом письме от 18 июня 1912 г. Волльман информировал своего учителя о том, что закончил эту монографическую работу, тексты которой переработал и дополнил сравнением с другими чешскими и немецкими образцами. Он подробно разбирает возникновение, локализацию и постепенное распространение этой легенды, появляющейся в чешской литературе уже с XVIII века вплоть до Тршебизского (Třebízský) и Подлипской

⁸ Корреспонденция Ф. Волльмана И. Поливке хранится в Литературном архиве Музея национальной письменности (Památník národního písemnictví) в Праге, фонд Иржи Поливки. Проблематикой данной корреспонденции я начала заниматься уже в главе *Frank Wollman a Slovensko (Vědecká a kulturná osobnosť česko-slovenského kontextu)*. In: Zelenková, Anna: Mezi vzájemnostíou a nevzájemnostíou. Sondy do česko-slovenských a slovensko-českých literárných vzťahov. Praha – Nitra, Slovanský ústav AV ČR – Filozofická fakulta Univerzity Konštantína Filozofa 2009, s. 261–308. Там же находится и дополнительная литература по предмету и полное звучание трёх писем от 5. 11. 1920, 15. 6. 1922 и 18. 6. 1927.

⁹ Сравн. сб. *Slavista Jiří Polívka v kontexte literatúry a folklóru I–II*. Bratislava – Brno 2008, pozn. 5.

¹⁰ Wollman, Frank: *Pověst o bílé paní v literatuře a v tradicích českého lidu*. Národopisný věstník československý 7, 1912, s. 145–180; 8, 1913, s. 182–185.

(Podlipská), анализирует не только миграцию отдельных мотивов, но и, по Поливке, в целом пластические приёмы и сюжетные каркасы.

Волльман защитил диссертацию (хотя она была опубликована уже в 1912–1913 гг.) только в 1917 году, поскольку ему пришлось прервать карьеру кандидата в профессора для школ, предоставляющих среднее образование, из-за обязательной военной службы во время Первой мировой войны. В 1919 году по договорённости с И. Поливкой и Й. Влчком он переехал в Словакию, где он сначала преподавал и в средних школах, а с зимнего семестра 1921 года получил место лектора чешского и словацкого языков на Медицинском факультете недавно возникшего Университета им. Я.-А. Коменского. Молодой славист хотел посвятить себя в Словакии научной работе и продолжать собирать словацкие народные сказки¹¹. В начале 20-х гг. XX в. он готовил первый том своего *Súpisu slovenských rozprávok* (Turč. Sv. Martin 1923), в котором отразил печатное и устное творчество словацкой народной прозаической традиции. По предложению И. Поливки Волльман организовал в рамках своего семинара в Братиславе современное исследование словацких народных сказок в изначальном диалектном виде. Так наз. «волльмановская собирательская кампания» представляла собой сбор народной прозы, которую по территории всей Словакии собирали студенты Отделения славянских традиций и литературы Философского факультета Университета им. Я.-А. Коменского в Братиславе в 1928–1947 гг.¹²

В корреспонденции Волльмана с И. Поливкой раскрылась и специфическая черта его личности – внутренний бой между наукой и искусством, которые, особенно в ранней его деятельности, постоянно перемежаются между собой. С одной стороны, он хотел получить известность как драматург: в 1914 году он стал одним из основателей и членов художественного товарищества молодых литераторов и художников «Колиба»¹³ – а с другой стороны, его привлекала университетская карьера, которая была связана с определённым общественным положением и финансовым обеспечением. Волльмана, который больше рассчитывал на профессию «свободного художника», вёл к научной деятельности И. Поливка, поэтому Волльман осознаёт

¹¹ Сравни. Gašparíková, Viera: *Wollmanovská zberateľská akcia v rokoch 1928–1947*. *Slavia* 57, 1988, č. 4, s. 354–364.

¹² Beneš, Bohuslav: *Folklorista Frank Wollman*. In: *K dejinám slovesnej folkloristiky*. Ed. Milan Leščák. Bratislava, Ústav etnológie SAV – Nadácia Prebudená pieseň 1996, s. 90–96.

¹³ Horečka, František: *Historie Koliby*. *Morava* 2, 1926, č. 10, s. 289–298.

неизбежность выбора: «*Необходимо будет принять решение и создать из себя либо научный, либо драматический тип и, естественно, воспользоваться материальными выгодами либо одного, либо другого... Я чувствую невозможность своего положения...*»¹⁴ Парadoxально, но его карьера драматурга в начале 20-х гг. успешно развивалась. Его первую пьесу «*Растислав*» играли в Словацком национальном театре в Братиславе 17 марта 1922 г., она была оценена государственной премией за драматические произведения и вызвала интерес критики¹⁵. Вопреки театральным успехам, Волльман впоследствии выбрал научную стезю, причём именно в то время, когда формировался Философский факультет Университета им. Я.-А. Коменского и появлялись новые рабочие места. В письмах И. Поливке он узнавал об условиях получения звания доцента в Карловом университете в Праге, которое расширило бы его возможности в недавно созданной братиславской школе сравнительной истории славянских литератур и народных традиций. Волльман в письме от 9 ноября 1922 года написал Поливке, что «*в отношении к будущему я больше всего боюсь конфликта внутри себя и двойственности в творчестве... я завидую людям единого творческого типа... это всё ещё privatissima, не ясные мне самому*»¹⁶. В богатой корреспонденции, в которой он обращается к своему учителю как к «*любезному покровителю*» и «*чистому славянскому сердцу*», он почти в каждом письме повествует об «итогах» своей работы, характеризует свои исследовательские поездки и приближает чешской среде словацкие условия, которые «*конечно же, грустны, и именно по вине чехов*»¹⁷. Волльман здесь отразил растущее напряжение в братиславском университете, где постепенно стало появляться поколение молодых словаков, которые вступали в конфронтацию с чешским руководством университета.

Уже в 1918 году молодой славист начал по указаниям И. Поливки работать над своей следующей монографией под названием «*Вам-*

¹⁴ Frank Wollman v listě Jiřímu Polívkovi ze dne 5. 11. 1920, který je uložený v LA PNP v Praze, fond Jiří Polívka.

¹⁵ Сравни. Závodský, Artur: *Frank Wollman a divadlo*. In: Sborník prací filosofické fakulty brněnské university 18. 1969. Řada literárněvědná (D). Č. 16, s. 237–240.

¹⁶ Франк Волльман в письме Иржи Поливке от 9. 11. 1922, которое хранится в LA PNP в Праге, фонд Иржи Поливки.

¹⁷ Франк Волльман в письме Иржи Поливке от 18. 6. 1927, которое хранится там же.

пирские легенды в центральнойвропейской области»¹⁸, в которой объединяются антропологическая и миграционная теории; в ней очевидно признание самовозникновения мотивов на основе аналогичных жизненных условий, что не исключает и их взаимную миграцию и циркуляцию целых сюжетов, идей и словесных форм. В июне 1918 г. он послал чешскому профессору схему главных тем своей запланированной исследовательской работы, среди которых был и обзор истории чешского и словацкого фольклора. Волльман после переезда в Братиславу испытывал разочарование, поскольку его ожидания не оправдались: из писем мы узнаём, что Братислава отличалась «провинциализмом» и «атмосферой малого города», где проявляли себя «венгромания словаков на высших должностях, а на фоне этого убожество переселившихся туда чехов»¹⁹. Свою браτισлавскую миссию он понимал, вопреки всем недоразумениям и проблемам, с которыми столкнулся, как определённое предназначение. Вместо университетской карьеры он пока получил только место «суплента» (замещающего преподавателя) в словацких средних школах, потому что Университет им. Я.-А. Коменского на начальном этапе не имел достаточного количества слушателей, и поэтому открытие отдельных факультетов из-за персональных и административных проблем постоянно откладывалось. В письмах Волльмана появляются частые жалобы на невозможность научной работы: «*Потяну и дальше свою телегу в средних школах с сознанием тяглого коня*»²⁰, пожаловался он И. Поливке в январе 1920 года. Чувство тщетности и бессилия изменить свою судьбу «*на перекрёстке жизненного труда*»²¹ у него постоянно возрастает: «*Чем дальше, тем больше меня тяготит школа и учебный процесс в учительских институтах, которому я посвятил свои лучшие молодые силы. Я хочу, наконец, освободиться от этого рабства...*»²². Волльману также не удалось создать художественное и научное ревю, но он всё же

18 Wollman, Frank: *Vampyrické pověsti v oblasti středoevropské*. Národopisný věstník československý 14, 1920, č. 1, s. 1–16; č. 2, s. 1–57; 15, 1921, č. 1, s. 1–58; 16, 1923, č. 1, s. 80–96; č. 2, s. 133–149; 18, 1925, č. 2, s. 133–169.

19 Франк Волльман в письме Иржи Поливке от 6. 3. 1920, которое хранится в LA PNP в Праге, фонд Иржи Поливки.

20 Франк Волльман в письме Иржи Поливке от 8. 1. 1920, которое хранится там же.

21 Франк Волльман в письме Иржи Поливке от 5. 11. 1920, которое хранится там же.

22 Там же.

не расстался с надеждой, что после открытия в Братиславе Философского факультета Университета им. Я.-А. Коменского *«несколько человек с чистыми руками и сердцем смогут высвободить чистую словацкую и чешскую среду из золотых оков и бесплодной духовной лениности»*²³.

После административных проволочек Волльману удалось защитить работу *«Вампирские легенды в центральноевропейской области»* как доцентскую. Доцентуру он получил 13 ноября 1922 года по специальности сравнительная история славянских литератур и литературных традиций. *Venia docendi* была подтверждена Университетом им. Я.-А. Коменского 7 марта 1923 года, а с сентября того же года он получил в Праге от Министерства образования и народного просвещения учебное распоряжение читать лекции (5 часов в неделю) и проводить семинарные занятия (2 часа в неделю)²⁴ как частный замещающий доцент. Тем самым количество его занятий приблизилось к обычной профессорской ставке. Профессорский коллектив факультета по предложению историка В. Халоупецкого и словакиста А. Пражака составил 26 марта 1924 года комиссию в составе Й. Гануша (J. Hanuš), А. Пражака (A. Pražák) и М. Вайнгарта (M. Weingart), которая изучила научную и педагогическую деятельность кандидата и разработала оценочную позицию профессорского коллектива. В ней единогласно рекомендовалось ходатайствовать в Министерстве образования и народного просвещения о назначении Волльмана экстраординарным профессором по специальности «Славянские литературы и народные традиции», а также об освобождении от работы в средних школах. Волльман был официально назначен экстраординарным профессором только 28 октября 1925 года (со вступлением в действие 1 ноября). На Философском факультете Университета им. Я.-А. Коменского в Братиславе он начал преподавать сравнительную историю славянских литератур от старейшего периода до модерна; он занимается южнославянской драмой, чешским и словацким фольклором, сербохорватской прозой, а также

²³ Франк Волльман в письме Иржи Поливке от 25. 11. 1920, которое хранится там же.

²⁴ Распоряжение деканата Философского факультета Университета им. Я.-А. Коменского на школьный год 1924–1925, адресованный Мин. образ. и нар. просвещ. (MŠANO) 2. 4. 1924, которое хранится в Архиве Университета им. Я.-А. Коменского в Братиславе, фонд Франка Волльмана.

методологическими вопросами литературной теории и компаративного мышления²⁵.

Ф. Волльман принадлежал к младшему и среднему поколению филологов, которые (напр. В. Халоупецкий, В. Крофта, Й. Боровичка, П. Эйсер, К. Хотек и т.д.) переселились в Словакию в рамках политики нового чехословацкого государства, направленной на создание научной и организационной структуры Университета им. Я.-А. Коменского²⁶. В Братиславе существовала возможность более быстрого профессионального роста по большему количеству специализаций, чем в пражском университете, кафедры которого были заняты старшим поколением, связанным, особенно на исторических специальностях, с позитивистской методологией. Возникновение двух новых университетов – в Брно и Братиславе – в прямом смысле этого слова открыло более широкое пространство молодым учёным, которые входили в новую среду и ради возможности защиты докторской диссертации, и ради профессуры. Удалённость от Праги также создавала и определённые предпосылки для большей свободы методологического экспериментирования. Волльман, который перемещался между Братиславой, Брно, а также Прагой, был «распространителем» функционально-структурной методологии, развиваемой Пражским лингвистическим кружком, большая часть членов которого работала в Брно или Братиславе.

С середины 20-х гг. содержание и стилизация корреспонденции, направленной И. Поливке, меняется. Сетования на ограниченные братиславские, а потом и брненские, взгляды продолжались; после перехода в Брно в 1928 году Волльман ещё внештатно учил в Братиславе, и постоянные переезды между этими двумя университетами исчерпывали его время и здоровье, поэтому он преодолевал культурную и научную «изоляция», которую очень сильно ощущал на себе, именно более глубоким погружением в научную работу, о которой пишет в письме от 14 января 1932 года, выделяя её как

²⁵ Сравни. Hlôšková, Hana: *Frank Wollman – osobnosť folkloristiky na Univerzite Komenského*. In: *Slavista Frank Wollman v kontexte literatúry a folklóru I–II*. Bratislava – Brno, Ústav etnológie SAV, Slavistická spoločnosť Franka Wollmana v Brně, Česká asociace slavistů, Slavistický ústav Jána Stanislava SAV 2006, s. 95–101.

²⁶ Сравни. Rychlík, Jan: *Češi na Slovensku v letech 1918–1938*. In: *Češi na Slovensku*. Ed. Hana Zelinová, Martin, Slovenské národné múzeum 2000, s. 5–17. Dále srv. Mlynárik, Ján: *Českí profesori na Slovensku I. Českí profesori a ich slovenskí žiaci na Univerzite Komenského v rokoch 1919–1949*. Praha, Danubius 1994.

свою «обязанность работать для создания межславянских точек соприкосновения»²⁷. После окончания монографической серии о южнославянской драме он хотел продолжать синтетически и компаративно направленную работу о славянской письменности: «увидим, насколько возможно удержат теорию сравнительной истории всех славянских литератур»²⁸. Этой проблематике посвящена корреспонденция нач. 30-х гг., в которой отразилась и уже затухающая дискуссия о «Словесности славян» (Прага, 1928), опубликованная в ежедневнике «Прагер Прессе»²⁹, т. е. полемика с немецким славистом А. Брюкнером об общем наследии славянских исследований и о возможности переработки истории славянских литератур, которая основывалась бы не на этноязыковых критериях, а на компарации словесных форм и структур³⁰. Волльман советовался с Поливкой в отношении своего ответа А. Брюкнеру и критиковал в письме сдержанную позицию И. Горака (J. Hořák, также ученик Поливки) в отношении «Словесности славян». В нач. 30-х гг. Волльман с определённой иронией заявил Поливке, что закончил свою метаморфозу из драматурга в грамматиста, который посвятит себя теперь уже только славянской филологии: «Не успел я оглянуться, как вместе с моими тридцатью четырьмя годами меня покинула вся романтика: я уже не пишу стихов, а последняя драма уже седьмой год лежит неоконченной глубоко в секретере»³¹.

В этот период постепенно меняется и тон Волльмана, и стиль коммуникации; исследователь становится уверенным в себе: получение штатной профессуры в 1928 году означало для него материальную и научную определённость. С Поливкой он консультируется с 1927 года по вопросу начала собирания словацкого народного творчества со своими братиславскими слушателями в районе Опавы и Липто-

²⁷ Франк Волльман в письме Иржи Поливке от 14. 1. 1932, которое хранится в LA PNP в Праге, фонд Иржи Поливки.

²⁸ Там же.

²⁹ Brückner, Alexander: *Eine slavische Literatureschichte*. Prager Presse 4. 10. 1931; тѣж: *Geschichte der slavischen Literature*. Slavische Rundschau 4, 1932, č. 1. F. Wollman na to reagoval v člancích *Die vergleichende slavische Literaturgeschichte*. Prager Presse, 22. 11. 1931, s. 2; тѣж: *Vom Geiste des literarischen Schaffens bei den Slaven*. Slavische Rundschau 4, 1932, č. 1, s. 115–122.

³⁰ Сравни. Zelenka, Miloš: *Komparativní metoda ve světle fenomenologických inspirací (Roman Ingarden a Frank Wollman)*. Przegląd Humanistyczny 50, 2006, č. 5–6 (č. 398–399), s. 135–147.

³¹ Франк Волльман в письме Иржи Поливке от 14. 1. 1932, которое хранится в LA PNP в Праге, фонд Иржи Поливки.

ва, пытаясь получить на это государственную субсидию. Организацией собирания он показал свою заинтересованность в словацкой устной словесности и, прежде всего, в словацкой сказке как интернациональном жанре, который своим генезисом и характером связывает литературные потоки Запада и Востока. Своих слушателей он отправлял в разные словацкие регионы, чтобы они по заранее установленной методике сохранили фонетическое звучание сказки на основе устной речи народных сказителей прямо на выбранной местности и в изначальном диалектом виде³². Волльман регулярно информировал Поливку о своих поездках по славянским странам, а в своём последнем письме известному слависту в январе 1932 года отметил подготовку его синтезирующей работы «*Славянские сказки. I*» (Прага, 1932), посвящённой сказочным мотивам в народной прозе восточных славян, причём также и в контексте Западной Европы. Поливка выразил в ней своё мнение о том, что отдельные сюжеты мигрируют в соответствии с географическими и культурно-историческими условиями, причём вне большей или меньшей взаимосвязи с генетическим родством языков и этническим характером народов. По Волльману, тезис Поливки о взаимодействии западной и восточной словесных традиций, как они отражаются и в комментариях к сказкам братьев Grimm «*Anmerkungen zu den Kinder-und Hausmärchen der Brüder Grimm 1-5*» (Лейпциг, 1913-1932), исходит не только из тематической компарации отдельных сюжетов, но и из анализа «*внутренней формы, так сказать, неразрывно сросшейся с самим сюжетом*»³³, т. е. из исследования закономерных взаимосвязей между филологией и социальными условиями.

Анализируемая корреспонденция представляет обоих учёных как выдающихся славистов, которые пожертвовали своей личной жизнью в пользу своей любимой специальности, поэтому письма почти не касаются грани между личным и общественным. Обоим, несмотря на то, что между ними существовала разница поколений и методологий, было важно развитие славянской филологии. Поливка вёл своего ученика к пониманию славянской взаимности, «*в великую миссию которой он твёрдо верил, считая обязанностью... испол-*

³² Wollman, Frank: *Zpráva o užití stipendia poskytnutého členům seminářů prof. Fr. Wollmana v Brně a v Bratislavě na sbírání lidových tradic*. In: Ročenka Slovanského ústavu. Sv. V–VII. Za třiletí 1932–1934. Praha, Slovanský ústav 1935, s. 159–160.

³³ Речь идёт о высказывании И. Поливки, которое Ф. Волльман цитирует в некрологе: *Jiří Polívka 6. 3. 1858 – 21. 3. 1933*. Slavia 12, 1933–1934, s. 589.

нять завещание наших будителей»³⁴. Письма важны, прежде всего, и по той причине, что они подлинно дополняют не только научный и педагогическо-организационный профиль обоих славистов, но особенно в случае Вольмана достаточно ясно отражают его взгляды на сравнительную историю славянских литератур; кроме своего эвристического вклада, они являются отражением кульминационного периода чешско-словацкой славистики в европейском контексте первой половины XX века.

SUMMARY

The well-established tradition of the critical editing of correspondence between distinguished Slavonic scholars has yielded a large number of editions and monographs, which at the same time chronicle the institutional history of Slavonic linguistics and comparative literature. The last hundred years have seen changes not only in the estimating of the values and importance of literary correspondence but also alterations in the form, manner and receptiveness of such editing. Far from being regarded only as documents with a cognitive value, letters written by authors and scholars alike are interpreted as literary texts with potential stylistic qualities, which are a nontraditional mode of creative self-realisation. Both the documentary and literary aspects thus combine in the correspondence of Frank Wollman (1888-1969) and Jiří Polívka (1858-1933), evidencing the genesis and gradual formation of Czech-Slovak, or Central European, comparative literature and Slavonic philology as well as the two men's intergenerational rapport which gave rise to the phenomenon in literary historiography labelled „Czech school of comparative literature“.

In the first generation, J. Polívka, while researching on folklore thematology, developed a comparative understanding of Slavonic literatures as an integral part of world literature. In the second generation, F. Wollman as his follower synthesised the knowledge of the earlier school of cultural history and the structurally functionalist approach of the Linguistic Circle of Prague, laying thus foundations for modern comparative studies. In total, there are 41 correspondence units (34 letters; 6 postcards; and 1 visiting card) written by F. Wollman to J. Polívka between 1912 and 1932. This relatively abundant collection is representative enough to evince the friendly relationship between the mentor and disciple sharing strong professional interest in folklore and Slavonic studies. Their personal correspondence then provides a biographical and psychological supplement to the life and works of two prominent Czech Slavonic scholars who gained European recognition and in the interwar period made a significant contribution to the area of Central Europe's becoming a methodological crossroads of diverse movements and cultural influences.

³⁴ Horák, Jiří: *Jiří Polívka. 6. III. 1858 – 21. III. 1933*. In: *Ročenka Slovanského ústavu. Sv. V–VII. Za třiletí 1932–1934*. Praha, Slovanský ústav 1935, s. 303.

РЕЗЮМЕ

Издание корреспонденции значительных представителей славянской филологии в критическом плане имеет уже многолетнюю традицию. Она отражается в большом количестве изданных серий работ и монографий, которые одновременно представляют и институциональную историю лингвистической и литературоведческой славистики. Вполне естественно, что на протяжении последних ста лет изменились взгляды не только на ценность и значение издания литературной корреспонденции, но и на форму, способ и характер осмысления данной издательской деятельности. Корреспонденция, причём не только писателей, но и научных работников, воспринимается не только как документ, который обладает познавательной функцией, но и интерпретируется как литературный текст с потенциальными стилистическими качествами, которые являются нетрадиционной формой креативной самореализации. Оба эти аспекта – документальный и литературно-словесный – взаимосвязаны в славистической корреспонденции Франка Волльмана (1888–1969) и Иржи Поливки (1858–1933), которая по содержанию и психологии отражает и прямо документирует возникновение и постепенное формирование чешско-словацкой (или центральноевропейской) литературоведческой компаративистики и славянской филологии, а также их межпоколенческое взаимодействие, которое стояло у истоков феномена, обобщённо называемого в литературной историографии «чешской школой литературной компаративистики». В первом поколении этой группы И. Поливка развил в фольклорной тематологии сравнительное понимание славянских литератур как неотъемлемой части мировой литературы. Его ученик Ф. Волльман во втором поколении синтезировал знания этой более старой культурно-исторической школы со структурно-функциональной точкой зрения Пражского лингвистического кружка, положив тем самым начало современной компаративистике. Всего сохранилась 41 единица корреспонденции (из них 34 письма, 6 открыток и 1 визитная карточка) Ф. Волльмана, адресованной им И. Поливке в 1912–1932 гг. Это относительно большое количество представляет собой достаточно репрезентативный набор писем, в котором проявились дружеские отношения между учителем и учеником, профессионально связанных глубоким интересом к фольклору и славистике. Их взаимная корреспонденция биографически, а также психологически дополняет общую картину жизни и творчества этих двух крупных чешских славистов, которые добились европейской известности и признания, а также внесли выразительный вклад в то, что Центральная Европа в межвоенный период стала методологическим перекрёстком разнообразных течений и культурных *-измов*.

